

Жэнь Ифэй поджал губы, в его сердце уже было основное суждение, но его просто нужно было проверить.

Уже собираясь встать, он увидел в щели под дверью пару черных матерчатых тапочек.

Туфли свекрови Чун Чжи?

Жэнь Ифэй, сражавшийся с пятью отморозками, вернулся, держась за талию.

Он сел на табурет, готовый ждать рассвета. На рассвете он всегда может выйти погулять, верно? Может быть будут какие-то полезные подсказки?

Жэнь Ифэй был полон предвкушения. Увидев две ночи подряд, он захотел увидеть день.

«Ох, ох, ох-».

Под крики петухов Жэнь Ифэй закатил глаза: «Рассвет...?»

Привлекательные глаза были наполовину изогнуты и застыли на его лице.

Весь траурный зал на мгновение перевернулся, как будто экран телевизора застрял. Когда он пришел в себя, А Лян перед ним освежился, улыбнулся и сказал ему: «Фэй снова придет на бдение?»

Жэнь Ифэй: ...

Снова?

что снова?

Как насчёт того, чтобы посмотреть на мои тёмные круги и повторить то, что ты сказал.

Все лицо Жэнь Ифэя также искажено, как траурный зал.

А Лян не заметил неестественности Жэнь Ифэя, он сказал: «После того как я вздремнул, я чувствую себя намного лучше».

Кеке, черт возьми, спи.

Раньше он был слишком взволнован в ожидании рассвета, теперь он был разочарован. Напряжение от бессонной ночи вернулось к его телу.

Он выдержал не одну ночь, а три!

Жэнь Ифэй только что почувствовал, как ему в голосу вбили гвоздь, но он все еще дергал уголки рта в улыбке: «Я не знал, что делать сегодня вечером, и я плохо отдыхал в течение дня».

— Плохо отдохнул днем? Лян сел рядом с Жэнь Ифэем: «Позволь мне спросит, почему твои глаза все еще такие красные?»

Жэнь Ифэй потер лицо, выглядя несчастным, как будто он очень страдал.

А Лян ненадолго задумался: «Позже ты можешь принести две, нет, три скамейки, чтобы сделать небольшую кровать. Шумно, но лучше чем вообще не спать».

Сяо Мэй прошла мимо с водой в руке, она не могла не повернуть голову, чтобы взглянуть на двух NPC с красными, как у кролика, глазами.

Она не закрывала глаза всю ночь.

Сяо Мэй также пыталась расслабиться и закрыть глаза на некоторое время, однако, как только она закрывала глаза более чем на минуту, раздавался крик NPC: Сяо Мэй! Сяо Мэй! Сяо Мэй!

Вы пытаетесь бросить призрака?!

Может быть, вы блядь будете людьми!

Страх сменился агонией от невозможности заснуть. В какой-то момент Сяо Мэй захотел поджечь траурный зал факелом. Давай, умрем вместе!

«Сяо Мэй...» — позвала ее женщина средних лет.

Лицо Сяо Мэй стало еще темнее, она стиснула зубы и ответила: «Иду».

Сегодня была ещё одна ночь поминок, и все как обычно съели тарелку разбавленной каши.

Игроки, наконец, не выдержали и присоединились к тому, чтобы налить себе пол тарелки бобовой каши под пристальным взглядом NPC. Даже эту пол тарелки нельзя было спокойно съесть, так как NPC всегда могут к чему-то придраться.

Жэнь Ифэй ел бобовый пирог и бобовую кашу и очень сочувствовал: если они продолжат так есть и спать, то, возможно, не смогут пережить «призрака».

Игроки такие жалкие, хорошо, что он NPC.

— Я пойду в туалет. Играя в карты, молодой человек не выдержал и поспешно встал.

Жэнь Ифэй увидел, что это А Цзе. Из всех присутствующих он был самым болтливым, а также самым наглым. С огоньком в глазах он встал и зевнул, желая присоединиться к другому: «Было бы хорошо, если бы ты ничего не говорил, но теперь когда ты сказал об этом, мне вдруг тоже захотелось пойти в туалет».

— О, брат Фэй, ты не боишься темноты? А Цзе подмигнул ему.

— Да пошел ты, кто боится?

Лян, игравший в карты, поднял голову: «Если ты хочешь пойти, что за ерунда?»

Эти двое ссорились всю дорогу до заднего двора.

Открыв бамбуковую дверь хижины, внутри был туалет, и когда они подошли ближе, они почувствовали запах мочи.

Молодой человек по имени А Цзе мочился внутри, был слышен звук плескания. Жэнь Ифэй был снаружи, и, казалось, не мог подобрать нужных слов. Он сказал: «Я действительно этого не ожидал».

"Что?"

«А Цзе, когда эти дяди вчера упомянули бабушку Чун Чжи, их выражения были неправильными. Эй, ты знаешь, что происходит? Моя мать не разрешает мне спрашивать».

Жэнь Ифэй возмущенно сказал: «Как ты думаешь, сколько мне лет? О чем я не могу знать? Я не думаю, что другие люди не знают».

— Кхе-кхе, — дыхание А Цзе стало тише, — раз тетя не даст тебе знать, не спрашивай.

«Хех, — в голосе Жэнь Ифэя звучал намек на сарказм, — значит, ты тоже не знаешь».

"Треск!" А Цзе толкнул дверь, застегнув пояс брюк, и с тревогой закричал: «Кто сказал, что я не знаю?»

"Тогда скажи мне." Жэнь Ифэй спровоцировал его.

— Я кое что знаю об этом. Только никому не говори, что я тебе сказал. - А Цзе огляделся. «Иди сюда».

Двое потянулись к одной стороне куста, и тень дерева упала на их темную одежду.

Когда он добрался сюда, А Цзе снова заколебался. Слегка вытянув шею в сторону Жэнь Ифэя, его глаза осматривали окрестности, даже малейший ветерок, вероятно, испугал бы его.

«Скажи мне, о чем ты ещё беспокоишься?»

Услышав это, А Цзе испугался, он закатил глаза: я всё ещё очень волнуюсь.

— Я слышал, — понизил голос А Цзе, — бабушку Чун Чжи повесили.

Повесили?

Конечно же, как он и подозревал раньше. Но как насчет деталей?

«Хорошо, почему...» — сказал Жэнь Ифэй на полпути, глядя на А Цзе, побуждая его рассказать больше информации.

— Я тоже это слышал, я слышал.

Цзе кашлянул и продолжил с пониженным голосом: «Той ночью в дом ворвался грабитель. Кто-то увидел темную фигуру, перелезающую через стену, а внутри громко ругалась бабушка Чун Чжи. Никто не ожидал, что она исчезнет через два дня посреди ночи.»

Жэнь Ифэй поднял брови и тихо спросил: «Кто-нибудь видел бабушку Чун Чжи в период между встречей с вором и ее смертью?»

А Цзе на мгновение задумался: «Я ничего не знаю об этом, а бабушка Чун Чжи не любила выходить на улицу. Всё ещё хочешь услышать больше?»

"Ты можешь продолжать." Жэнь Ифэй сказал, что он слушает.

«Когда бабушка Чун Чжи умерла, ее рот был открыт, язык высунут, а ее голова откинута назад. Говорили, что это из за того, что в ее сердце таилась обида.» А Цзе сказал, потирая плечи: «В любом случае это то, что произошло, я больше ничего не знаю».

Ее голова была запрокинута?

Как она могла поднять голову?

Ни повешение, ни удушение не приведи бы к такой позе. Если бы умерший не сохранял позу с наклоненной головой после смерти, было бы трудно изменить позу после того, как наступило трупное окоченение.

Жэнь Ифэй посмотрел на задний двор, освещенный луной, его взгляд скользнул сквозь материальный мир и достиг места, которое другие не могли видеть.

Его «мир» быстро закрутился.

Окружающие старые жилые дома, деревья и стены двора были убраны один за другим, как реквизит на сцене, и он «снова появился» в комнате бабушки Чун Чжи, с белой тканью, свисающей с высокой балки.

На ней висела старушка, с открытым ртом и высунутым языком. Ее голова была слегка приподнята, глаза были налиты кровью, остекленели и ввалились.

Он стоял рядом с трупом и смотрел на нее.

Это был образ мыслей, который он построил в своем мозгу, мир, который принадлежал ему.

Жэнь Ифэй любит придумывать персонажей в своем собственном мире и проводить симуляционные тренировки.

В этом мире он творец и контролер всего.

Для развития зловония требуется не менее двух дней, но труп начал вонять уже в первый день поминок.

Жэнь Ифэй протянул руку и набрал время смерти, чтобы отодвинуть его на день назад, то есть на следующий день после приходу вора.

Разница между реальным временем смерти и временем фальшивой смерти составляла не менее двенадцати часов. Родственники погибшей не могли не знать, но они скрыли это дело и замаскировали под повешение.

Бабушку Чун Чжи, должно быть, не повесили. Она умерла, приняла позу с запрокинутой головой из-за трупного окоченения, а затем была повешена.

Требуется четыре часа, чтобы труп начал затвердевать, от семи до восьми часов, чтобы он полностью застыл, и двадцать три часа, чтобы труп начал ослабевать. Поскольку сейчас лето, и это пожилой человек, мышечная сила недостаточна, поэтому время будет увеличено.

Следовательно, время ложного повешения составило более восьми часов и менее двадцати трёх часов от фактического времени смерти. Кроме того, во время этого процесса умерший держал голову поднятой до тех пор, пока труп не окоченел.

При каких обстоятельствах умерший будет держать голову прямо, пока не наступит трупное окоченение?

«Кресло».

В углу появилось кресло для пожилых людей с откидной спинкой, то самое, что было в комнате бабушки Чун Чжи.

Жэнь Ифэй подошел, медленно сел, откинулся назад и лег на него.

На спинке кресла было что-то выпуклое, как подушка, когда упиралось ему в спину.

Фэй был молодым юношей с ростом около 1,7 метра, но бабушка Чун Чжи не такая высокая. Эта выпуклость могла только поддерживать ее шею, а при наклоне спинки стула ее голова могла только немного наклоняться.

После того, как она умерла, она сохраняла эту позу более четырех часов, прежде чем наступило окоченение.

Чем занималась в это время ее семья?

В семье было всего несколько человек, было невозможно, чтобы никто не заметил ее смерти, так почему же они не сразу подготовились к похоронам, а предпочли проигнорировать это и в конце концов даже скрыть и замаскировать ее смерть?

Бабушка Чун Чжи, как она умерла?

В комнате бабушки Чун Чжи не было крови. Когда тело бабушки Чун Чжи было найдено, не должно было быть явных отклонений.

С точки зрения инерции мышления, наиболее вероятным замаскированным под повешение будет смерть от удушения.

Он неподвижно лежал в кресле.

Из темноты протянулась веревка, обернулась вокруг его шеи и затянулась.

Жэнь Ифэй отчаянно боролся, и появилась еще одна черная тень, пытаюсь удержать его сопротивляющиеся руки и ноги. Смерть пугала его, и он инстинктивно сопротивлялся.

Силы старухи ограничены, и она может пользоваться только руками и ногами, поэтому он брыкается и царапает пальцами. Его ногти оставили царапины на подлокотнике и даже несколько раз поцарапали темную фигуру.

Эта темная фигура...

Перед ним появилась тыльная сторона руки женщины средних лет с явными царапинами на ней. Она только была покрыта коркой, и похоже, что ее поцарапали за последние два дня.

Темная фигура подняла голову и вдруг обрела лицо. Это было лицо женщины средних лет в траурном зале. Ее лицо повернулось против света, менее простое и честное, более безобразное и ужасающее.

В таком случае тот, кто душил его сзади...

Жэнь Ифэй поднял голову, и его глаза увидели столь же честное, но отвратительное лицо.

Обладатель этого лица в данный момент стоит на коленях перед гробом, снова и снова плача о боли «сына, который поддерживал свою семью, но не своих родителей». Сколько его слез было вызвано чувством вины, а сколько - раскаянием?

Жэнь Ифэй взмахнул рукой, и веревки, темные фигуры и кресло с откидной спинкой рассеялись.

Автору есть что сказать:

А Фэй: Убийца это ты!

Мотивация? А орудие убийства? Как насчет цепочки доказательств?

А Фэй: ... Я поищу снова.

<http://bllate.org/book/15647/1398964>